Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научноинформационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Андрей Медушевский

Политическая история русской революции:

нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2017

УДК 11.01
ББК 66.0
М 42

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко, И.Л. Галинская, В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Научный редактор: И.И. Ремезова
Серийное оформление: П.П. Ефремов

М 42 **Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке.** М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с. (Серия «Humanitas»)

Книга А.Н. Медушевского – первое системное осмысление коммунистического эксперимента в России с позиций его конституционно-правовых оснований – их возникновения в ходе революции 1917 г. и роспуска Учредительного собрания, стадий развития и упадка с крушением СССР. В центре внимания – логика советской политической системы – взаимосвязь ее правовых оснований, политических институтов, террора, форм массовой мобилизации. Опираясь на архивы всех советских конституционных комиссий, программные документы и анализ идеологических дискуссий, автор раскрывает природу номинального конституционализма, институциональные основы однопартийного режима, механизмы господства и принятия решений советской элитой. Автору удается радикально переосмыслить образ революции к ее столетнему юбилею, раскрыть преемственность российской политической системы дореволюционного, советского и постсоветского периодов и реконструировать эволюцию легитимирующей формулы власти.

УДК 11.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-98712-699-8

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2017
© А.Н. Медушевский, 2017
© Центр гуманитарных инициатив, 2017

Моей маме – Светлане Михайловне Медушевской,
показавшей мне различие добра и зла,
и моей тете – Ольге Михайловне Медушевской,
научившей меня понимать его.

Введение

Феноменология революции: проблемы, методы, источники исследования

Столетие русской революции 1917 г. есть фундаментальный, но не вполне оцененный обществом факт российского национального самосознания, формирования культурной, гражданской и правовой идентичности. Дискуссии по крупнейшим революциям прошлого – английской, американской, Французской, германской, приуроченные к их юбилеям, выполняли роль поиска национального консенсуса в данных странах. Ничего подобного нет в России: во-первых, отсутствует национальный консенсус – социологические опросы показывают сохраняющийся раскол общества (практически пополам) в отношении революции, большевизма, сталинизма и итогов советского эксперимента; во-вторых, не преодолено наследие идеологических стереотипов прошлого, возрождающихся в различных новых модификациях; в-третьих, нет единства в академическом сообществе даже по вопросу о подходах к изучению данного феномена. До настоящего времени в литературе действует система мифов, доставшихся от эпохи революции или сформулированных в последующее время, общая природа которых состоит в подмене доказательных научных выводов метафизическими (идеологизированными) конструкциями.

Весь XX век наполнен полемикой сторонников и противников русской революции, а главная тема – идея социальной справедливости, определявшая (в ее коммунистическом понимании) содержание этики, институтов и политики государства. Революция породила социальный миф – т. е. не подлинную, а изобретенную историю происхождения государства, основанную не на знании, но на вере. Мифологическое сознание в отличие от конструкций, выработанных эмпирическим мышлением и критическим разумом, выражает не знание, но систему символов, принимаемых на веру. Миф как символическое явление, говорит Э. Кассирер, становится мистерией: «его подлинное значение и его подлинная глубина заключается не в том, что он выражает своими собственными фигурами, а в том, что он скрывает». Мифологическое сознание, подобно шифрованному письму, «понятно только тому, кто обладает необхо-

димым для этого ключом, т. е. тому, для кого особые содержательные элементы этого сознания в сущности не более, чем конвенциональные знаки для “иного”, в них самих не содержащегося»[1]. Отсюда необходимость толкования мифов – выявления их скрытого смыслового содержания, будь то теоретического или морального. Подобная работа должна быть последовательно проведена в отношении революционного мифа, если мы хотим не просто регистрировать содержание, но понять его смысл. Распространение и длительное существование революционного мифа объясняется тем, что он стал основой советского государства, направленно формировавшего социальный заказ по его поддержанию на всем протяжении своего существования. Содержание мифа определялось постулатами утопической коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии, структура была вполне логична (во многом соответствуя структуре религиозного мифа), а функция очевидна – поддержание легитимности однопартийной диктатуры. Динамика развития революционного мифа корректировалась внешними и внутренними системными вызовами.

Определяющее значение получили пять основных интерпретаций, возникших в XX в. и перешедших в современную историографию: идеи сторонников революции (начало новой эры коммунизма во всемирном масштабе); ее противников, прежде всего контрреволюционной эмиграции (революция как катастрофа – «Смута», закончившаяся крушением российской государственности); идеологии сталинизма (создание особой советской государственности нового типа); взгляды, характерные для эпохи «Оттепели» и затем Перестройки (возвращение к истокам революционной идеологии для преодоления исторических искажений и построения «подлинной» социалистической демократии); наконец, представления постсоветских демократических преобразований (радикальное отрицание всего советского наследия во имя демократии западного типа). Логика развития мифа, связанная с динамикой советского режима, прошла путь от преклонения перед революцией в почти сакральном смысле до превращения ее идей в собственную карикатуру и столь же решительного их отрицания. Значение этих идеологических конструкций чрезвычайно велико, поскольку фиксирует этапы развития легитимирующей формулы, однако ни одна из них (в силу метафизического характера) не может быть положена в основу научного знания о революции, подтверждая известную максиму Маркса: нельзя понять смысл исторической эпохи, исходя из того, что она сама думает и говорит о себе и используя терминологию самой эпохи. В целом эти конструкции не способны объяснить, каким образом масштабный революционный социальный

[1] *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М., 2015. С. 52.

проект, осуществлявшийся с невиданным энтузиазмом и бесчисленными жертвами на протяжении столетия, пришел к своему катастрофическому завершению и почему коммунизм, воспринимавшийся как спасение человечества от социального угнетения, тихо ушел с исторической сцены – не под звуки канонады, а шаркающей походкой старика, переставшего ориентироваться в новых реалиях.

Метод настоящего исследования определяется теорией когнитивной истории, четко обозначившей смену парадигм в историческом познании – переход от нарративной (описательной) истории к истории как строгой науке, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленной человеческой деятельности[2]. Развиваясь в эмпирической реальности, данная деятельность неизбежно сопровождается фиксацией ее результатов созданием интеллектуальных продуктов или вещей (выступающих с позиций исторической науки в качестве источников, намеренная и ненамеренная информация которых может быть расшифрована исследователем для получения достоверного знания о прошлом)[3].

«Причину смены парадигм, – писала О.М. Медушевская, – теоретики видят в неспособности старой теории ответить на вызов логики эксперимента или наблюдения. Соотнеся это положение с ситуацией в гуманитарном знании XX в., можно видеть причину смены парадигм в исторической науке в неспособности нарративистской истории ответить на вызовы глобального миропорядка; нарративы противостоят друг другу, но ничего не объясняют. Неэффективен нарратив и в объяснении феномена информационного пространства технологий: слова и вещи утрачивают привычную связь, возникает новый информационный

[2]Основы данного подхода представлены в книгах создателя теории когнитивной истории: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; *Она же.* Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010; *Она же.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.; СПб., 2013.

[3]Когнитивная история: концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М., 2011; Круглый стол по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166; Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. М., 2010; «Знание о прошлом в современной культуре»: Круглый стол // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45. Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история // XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 г. СПб., 2011. Т. 1. С. 362–365. Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти Ольги Михайловны Медушевской. М., 2008; Строгая и точная наука. Беседа с главным редактором журнала «Российская история» // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2011. № 16 (Ноябрь). С. 32–35; Дискуссия по вопросам теории когнитивной истории О.М. Медушевской и формированию научной картины мира отражена в серии статей. См.: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М., 2013; Гуманитарное знание и вызовы времени. М., 2014.

универсум, а глубинный порядок вещей, связь слов и вещей на фундаментальном общечеловеческом уровне не поддается традиционным объясняющим схемам»[4]. Ответом на этот глобальный вызов стала теория когнитивной истории в гуманитарном (историческом) познании. Можно признать, что речь идет действительно о новой парадигме, дающей объяснение исторического опыта и раскрывающей причины провала традиционной нарративистской историографии в его изучении (одной из ее разновидностей являлась концепция, опиравшаяся на примитивизированный экономический материализм). Пересмотр этих представлений на рубеже XX–XXI вв. составляет стержень динамики современного научного познания[5].

Суть когнитивной теории – понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Новизна концепции обеспечивается синтезом достижений классической философии истории, когнитивных наук и информатики, в том числе всего, что связано с теорией искусственного интеллекта, представлениями структурной лингвистики и антропологии[6]. Для исторической науки концепция чрезвычайно важна обоснованием доказательного характера исторического познания, открытием новых методологических подходов к исследованию прошлого и, одновременно, предложенными методиками их анализа[7]. Тезис О.М. Медушевской

[4] *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 333.

[5] О формировании теории и методологии когнитивной истории см.: О.М. Медушевская // Историки России. Иконография. М., 2015. Кн. 3. М., 2015. С. 264–279. См. также: Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // *Медушевская О.М.* Пространство и время в науках о человеке. М.; СПб., 2013. С. 7–48.

[6] *Чернобаев А.А.* Преемственность и новаторство русской историографической традиции XX – начала XXI в. (Размышления о книге О.М. Медушевской «Пространство и время в науках о человеке» // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5 (89). С. 145–147.

[7] Переломное значение теории О.М. Медушевской в современной историографии отражено в ходе обсуждения ее идей: *Миронов Б.Н.* Новая апология истории (размышления над книгой О.М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148; *Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1. С. 141–150; *Шелохаев В.В.* Теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 163–164; *Плискевич Н.* «В историческом процессе всего интереснее человек…» О.М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке // Знамя. 2014. № 9; *Манульский М.А.* Пространство и время в науках о человеке (о книге О.М. Медушевской) // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1140–1141; *Ионов И.Н.* Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией работ О. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95 и др.